

Как гласит мудрость, вовремя протянутая рука дороже пышных даров. Слова эти могут показаться избитыми, но в них заключена глубокая истина. В пору чужого триумфа твое подношение — лишь капля в море, но когда человек повержен в прах, даже глоток воды станет для него спасением, за которое он будет благодарен до конца дней. Именно эта разница и определяет плоды, что придется пожинать в будущем.

К счастью, Цао Цао и его советники осознали это раньше прочих. Пока другие амбициозные герои пренебрегали жизнью Сына Неба, заботясь лишь о собственной выгоде, Мэн Дэ выбрал путь абсолютной преданности. Пусть император был беспомощен, а дом Хань угасал — для народа они оставались законными правителями. И пока династия окончательно не канула в небытие, само её имя служило инструментом огромной силы.

Восемнадцатого числа восьмого месяца первого года эры Цзяньань Цао Цао во главе огромного войска вошел в Лоян. Перед Лю Се, императором Хань, он склонился ниц, совершая обряд великого поклонения.

Государь, измученный скитаниями и голодом, взирал на него из руин некогда величественного города. Увидев, что в эти смутные времена нашелся человек, сохранивший верность трону, Лю Се не выдержал. Чувства захлестнули его, и горькие слезы потекли по его щекам.

Восседая на временном троне, император с трудом взял себя в руки. Он взмахнул широким рукавом и провозгласил:

— Встаньте, генерал Цао. Пусть поднимутся все верные слуги.

Цао Цао поднялся, сохраняя почтительный вид. Лю Се встал следом и продолжил:

— Ныне Поднебесную терзают мятежники, а Мы пребывали в изгнании. Лишь благодаря генералу Цао Нам удалось избежать беды. То, что у Хань есть столь верный подданный — истинное благословение для державы!

Немного помолчав, он добавил:

— Повелеваю: вручить генералу Цао верительный знак и золотой топорик, а также назначить его главой императорского секретариата.

— Благодарю Ваше Величество за великую милость, — Цао Цао вновь совершил чинный поклон и принял регалии из рук церемониймейстера.

— Прощу, встаньте, — молвил император.

Поднявшись, Цао Цао бросил взгляд в сторону и встретился глазами с Сюнь Юем. Оба они, не обменявшись ни словом, поняли друг друга и вновь обратили взоры на возвышение.

— Что ж, путь был долог и труден, — произнес Лю Се. — Всем нужен отдых. Ступайте, позже мы обсудим дела подробнее.

Император покинул зал в сопровождении свиты. Вскоре разошлись и остальные. Цао Цао и Сюнь Юй направились к своим лагерным шатрам. По пути генерала многие поздравляли с высокой должностью; он сдержанно кивал в ответ, в то время как Сюнь Юй шел рядом, сохраняя невозмутимое спокойствие.

Едва они вошли под сень шатра, Вэньжо преобразился. Отбросив напускное безразличие, он поправил одежды и низко поклонился. В его голосе звучала неподдельная радость:

— Поздравляю вас, господин.

Цао Цао поспешил поднять его:

— Вэньжо, к чему эти церемонии? Разве нужно тебе кланяться мне так же, как тем льстецам?

Сюнь Юй улыбнулся, и лицо его словно посветлело.

— Мой поклон — иной. Те люди кланяются вашему титулу, я же кланяюсь — Мэн Дэ.

Цао Цао тяжело вздохнул и проникновенно произнес:

— Я никогда не обману твоей преданности, Вэньжо.

— Верю вашему слову, — ответил тот. — А я приложу все силы, чтобы воздвигнуть для вас чертоги вечной славы.

Красивые, трогательные слова — но сказаны они были лишь для того мгновения. «Никогда не обману» обернется ледяным равнодушием, а «вечная слава» развеется прахом.

Они сели за стол. Цао Цао долго смотрел на разложенную карту, после чего произнес:

— Мало. Вэньжо, этого всё еще мало. Я хочу большего.

— И впрямь мало, — согласился Сюнь Юй. — Сейчас император в чужих руках. Мы лишь гости на чужой земле, прикрываемые именем владыки, лишённого власти. Боюсь, как бы все наши труды не оказались напрасными.

— Ты прав. Хоть в моих руках и власть, здесь она бесполезна.

Сюнь Юй лукаво усмехнулся.

— Почему бы нам не пригласить Гунжэня для беседы?

Цао Цао хлопнул себя по лбу.

— Совсем голова не варит! Забыл про такого способного человека. Вели позвать его немедленно.

— Не тревожьтесь, господин. Я уже обо всём позаботился.

Спустя четверть часа Сюнь Юй ввел в шатер мужчину средних лет, ровесника Цао Цао. С первого взгляда генерал оценил его благородную осанку и поспешил навстречу:

— Брат Гунжэнь! Слышал о тебе много, но личная встреча — истинный подарок. Рад, очень рад.

— Дун Чжао приветствует генерала.

— Гунжэнь, в том, что я смог беспрепятственно войти в Лоян и встретить Сына Неба, есть твоя немалая заслуга! Я бесконечно благодарен за всё, что ты сделал для меня в тени.

— Не стоит, генерал. Это лишь скромная помощь.

После недолгого обмена любезностями они перешли к делу. Сюнь Юй подробно изложил текущее положение дел и планы на будущее. Дун Чжао согласно кивал:

— Согласен с господином Сюнь. Вы, генерал, подняли праведное войско, дабы усмирить смуту — это деяние, достойное великих князей древности. Однако ныне подле императора множество придворцев и военачальников, и у каждого — свои расчеты. Даже имея власть над армией и двором, вы не заставите их повиноваться. К тому же оставаться в Лояне для вас крайне неудобно.

— Об этом мы и беспокоимся, — подхватил Сюнь Юй. — Как верно заметил господин Дун, мой господин стремится восстановить порядок в Поднебесной, но препятствий слишком много. Мы вошли в Лоян, почитаем императора, но сами оказались в окружении врагов. Просим твоего совета.

Сюнь Юй уже имел на уме решение, но не спешил его озвучивать, желая проверить Дун Чжао.

— Это не так сложно, — Дун Чжао улыбнулся и указал на уезд Сюй на карте. — Нужно лишь

перенести туда императорский двор.

Цао Цао вскинул взгляд, в его глазах вспыхнул огонь. Он посмотрел на Сюнь Юя — тот едва заметно кивнул в знак согласия. Тогда Цао Цао заговорил:

— Дело это великое, но и опасное. В своё время Дун Чжуо силой увез императора в Чанъань, чем навлек на себя всеобщее проклятие. Теперь, когда Сын Неба с таким трудом вернулся в Лоян, народ мечтает о покое. Если я заберу его в уезд Сюй, не стану ли я в глазах людей вторым Дун Чжуо?

Дун Чжао ответил спокойно и рассудительно:

— Великие свершения требуют решительных мер. Генералу следует поступать так, как выгодно делу.

Сюнь Юй одобрительно посмотрел на собеседника. Цао Цао, человек решительный, мгновенно уловил скрытый смысл его слов:

— Твои слова попали в самую точку, Гунжэнь. Но есть у меня одно опасение. Ян Фэн. Его армия сильна, и стоит он неподалеку. Он не даст мне уйти.

— И это решаемо. Ян Фэн — обычный мужлан, храбрый, но недалекий, к тому же без союзников. Обмануть его будет легко. Напишите ему письмо и отправьте щедрые дары. Этого хватит.

— Вэньжо, разъясни мне мысли Гунжэня. Что именно я должен написать?

Сюнь Юй слегка поклонился:

— Полагаю, господин Дун предлагает нам сообщить Ян Фэну, что в Лояне не хватает провианта и мы вынуждены отправиться в Луян за припасами. Это совсем рядом с уездом Лян, где стоит Ян Фэн, и не вызовет у него подозрений. Но главное в том, что Луян и уезд Сюй находятся бок о бок. Мы совершим маневр «□□□□» — обманем врага ложным путем и обеспечим себе безопасность. Я верно истолковал ваши мысли, господин Дун?

Дун Чжао восхищенно хлопнул в ладоши:

— У генерала в подчинении воистину великие люди! Слава о господине Сюне как о «□□□□» — таланте, способном быть опорой царям, — возникла не на пустом месте. С таким советником вам, генерал, море по колено!

Цао Цао расхохотался:

— Я же говорил: это мой Цзыфан!

Сюнь Юй лишь скромно улыбался, слушая похвалы в свой адрес. В подобных случаях лучшее — это деликатное молчание.

В это же время на горе Шоуян рослый юноша медленно поднимался по склону. Осеннее солнце всё еще пекло нещадно, но он, казалось, не замечал зноя, лишь изредка утирая пот со лба.

Шоуян осенью была по-особенному прекрасна — строгая и изящная одновременно. Вековые сосны и кипарисы застыли вдоль троп, словно древние стражи, а у их корней пестрели дикие цветы. Горный ветер приносил тонкий аромат лесного османтуса, в туманных лесах звенели птичьи трели. Казалось, это единственное место в Лояне, куда не дотянулась рука войны. Травы и деревья здесь принадлежали иному миру, и никакой земной огонь не мог поглотить их дотла.

К закату юноша добрался до вершины. Сев на выступ скалы, он перевел дух и окинул взглядом окрестности. Хоть он был здесь не впервые, увиденное вновь поразило его: плато было усыпано цветами «Весны Восьмого месяца». Красные полыхали ярче утренней зари, белые сияли чистотой снега. Весь Лоян лежал перед ним как на ладони, величественный и безмолвный в золотых лучах заходящего солнца. В эти минуты казалось, что к городу вернулось былое процветание, а дым пожарниц никогда не застилал его улиц.

Проведя в забытии долгое время, юноша встал и принялся что-то искать среди цветов. Он хотел найти самую прекрасную «Весну Восьмого месяца», чтобы отвезти её тому, кого любил всем сердцем. Но цветов было так много, что он растерялся. Внезапно его взгляд упал на цветок, пробившийся сквозь трещину в скале. В лучах заката он пламенел жизнью. Улыбнувшись, юноша осторожно сорвал маленькое соцветие и, бережно сжимая его в пальцах, начал спуск.

Он не знал, что это его последний визит в эти края, и последний раз, когда он видел закат над цветущей Шоуян. Спустя многие годы цветы будут цвести так же, а закат останется столь же прекрасным, но того юноши уже не будет на свете.

Люди в смутные времена живут в вечном противоречии. Они заявляют о великих устремлениях, но тайно радуются самым незначительным чувствам. Живут дерзко, не зная, куда приведет дорога; скрывают свою слабость за гордостью. Возможно, лишь там, где их никто не видит, они могут обрести краткий миг покоя. Их печаль — не героическая баллада, а простая человеческая усталость, глубокая и безмолвная.

Насладиться вином сегодня, пока оно есть — это не жажда удовольствий, а инстинкт выживания. Они слишком долго были на виду у всех, и теперь лишь хотели хоть раз пожить для себя.

В самом Лояне юноша остановился перед старой лавкой, чудом уцелевшей в пожарах.

— Сделайте так, чтобы этот цветок не увял и через сто лет, — попросил он мастера.

Старик принял алое соцветие, и в его мутных глазах блеснул огонь.

— Молодой господин хочет подарить его своей возлюбленной?

Юноша растерялся:

— С чего вы взяли, почтенный?

— Ведь этот цветок еще называют Травой взаимной тоски.

Юноша вспомнил о маленьком озорнике, оставшемся дома, и тепло улыбнулся. Его черты смягчились в последних лучах солнца.

— Какое чудесное имя.

Оказалось, вершина горы Шоуян хранит в себе не только весну посреди осени, но и безбрежную тоску по тем, кто нам дорог.

<http://bllate.org/book/17368/1693432>